

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-54-65

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Светлана Леонидовна Кушнерук

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Svetlana_kush@mail.ru, 0000-0003-4447-4606

Аннотация. Раскрывается соотношение понятий речевого воздействия и миромоделирования, активно разрабатываемых в отечественной лингвистике в первой четверти XXI в. Отсутствие публикаций, устанавливающих связь между названными понятиями, в содержании которых заключена идея о внесении изменений в мировосприятие и поведение адресата при помощи средств языка, определяет актуальность исследования и его новизну. Цель работы состоит в объяснении сходств и различий в трактовке двух терминов и выявлении областей их концептуального сближения и расхождения. Теоретико-методологическим базисом работы являются достижения лингвопрагматики, когнитивной поэтики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, а также установки господствующей в науке о языке парадигмы. Понятию миромоделирования уделяется большее внимание на фоне того, что традиционно известно о речевом воздействии. Выборку материала формируют публикации специалистов в области теории речевого воздействия и миромоделирования, а также контексты из литературных произведений и мультимодальные сообщения, отобранные из практик коммуникации в Telegram. Особое место отводится описательному, дискурсивному и мультимодальному анализу. Установлено, что понятие речевого воздействия развивается на фоне коммуникативно-прагматических установок и теории речевых актов, в то время как понятие миромоделирования имеет когнитивную природу, заложенную литературоведением и когнитивной лингвистикой. В процессах миромоделирования воздействие реализуется в виде ментально-языковых структур, объективируемых средствами естественного языка и другими семиотическими кодами. Обосновано, что развитие цифровых дискурсивных практик усложняет характер коммуникативного взаимодействия, что способствует разработке понятия мультимодального кода миромоделирования, сочетающего вербальный, невербальный и паравербальный компоненты. Выявляются кинематическая, гаптическая, сенсемная, проксемная, темпоральная, паравербальная модели организации воздействия в телеграм-дискурсе. Уточняется, что в процессах миромоделирования в виртуальной среде воздействие на адресата осуществляется на основе эмоционально-когнитивных структур и образной репрезентации. Исследование вносит вклад в разработку метаязыка лингвистики, проблем цифрового дискурса, мультимодальной коммуникации и поликодовых текстов.

Ключевые слова: речевое воздействие, миромоделирование, соотношение понятий, когнитивно-дискурсивная парадигма, методология лингвистики, невербальная семиотика, семиотические ресурсы, невербальная коммуникация, мультимодальный код, цифровая коммуникация, Telegram, стикеры

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

Для цитирования: Кушнерук С. Л. Речевое воздействие и миромоделирование: к вопросу о соотношении понятий в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 54–65. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-54-65.

Original article

SPEECH EFFECTS VERSUS WORLD-MODELING: ON THE CORRELATION OF CONCEPTS IN LINGUISTICS

Svetlana L. Kushneruk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Svetlana_kush@mail.ru, 0000-0003-4447-4606

Abstract. The paper focuses on the correlation of the concepts of speech effects and world-modeling, as they have been actively worked out in the Russian linguistics since the beginning of this century. Both concepts prioritize the

idea of imposing changes in the worldview and behavior of the addressee by means of the language. The absence of researches establishing a correlation of these concepts determines the relevance of this study. The objective of the author is to explain the similarities and differences in the interpretation of two terms and to identify areas of their application. The methodological basis of the research is constituted by pragmatics, cognitive poetics, cognitive linguistics, discourse studies. The notion of world-modeling is given more attention against the backdrop of what is traditionally known about the speech effects. The sample is formed by the contexts from literary works and 225 multimodal Telegram messages. The descriptive, discursive and multimodal analyses are used. It is argued that the concept of speech effects has evolved against the background of communicative and pragmatic paradigm of linguistics and the theory of speech acts, while the concept of world-modeling has a cognitive nature, which draws on the literary studies and cognitive linguistics. In the processes of world-modeling, the persuasive effect is realized due to the mental and linguistic structures, objectified by means of natural language and other semiotic codes. It is proved that the development of digital discourse has made communication more complex. It has stimulated the development of the concept of a multimodal world-modeling code. The notion emphasizes that verbal, non-verbal and paraverbal components can be co-activated to construct meaning in discourse. Kinematic, haptic, sensory, proximal, temporal, and paraverbal models of discourse impact organization on Telegram have been described. It is specified that in the processes of world-modeling, the impact on the addressee is carried out on the basis of emotional cognitive structures and image representation. The research contributes to the development of the metalanguage of linguistics, the problems of digital discourse and the multimodal communication.

Keywords: speech effects, world-modeling, correlation of concepts, cognitive-discursive paradigm, methodology of linguistics, non-verbal semiotics, semiotic resources, non-verbal communication, multimodal code, digital communication, Telegram, stickers

Acknowledgements. The research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation grant № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

For citation: Kushneruk SL. Speech Effects Versus World-Modeling: on the Correlation of Concepts in Linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):54-65. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-54-65.

Введение

В современной лингвистике активно разрабатываются понятия речевого воздействия (Н. А. Безменова, В. З. Демьянков, О. С. Иссерс, М. Р. Желтухина, Е. Н. Молодыхенко, В. Е. Чернявская, Е. В. Шелестюк и др.) и миромоделирования (Г. Т. Гарипова, Л. М. Гриценко, Т. А. Демешкина, Л. И. Ермоленкина, О. В. Орлова, З. И. Резанова, Т. В. Цивьян, Ю. А. Эмер и др.). Первое из названных имеет более длительную историю существования и традиционно соотносится со сферой риторики. Второе появляется значительно позже и вбирает в себя всё ценное, что накопила наука о языке в связи с расцветом теории литературы и когнитивной лингвистики.

Понятия миромоделирования и речевого воздействия имеют много общего. В узком понимании **речевое воздействие** считается разновидностью воздействия на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, то есть с помощью сообщений на естественном языке [<https://www.krugosvet.ru/>]. Термин **миромоделирование** тезисуем следующим образом — структурирование информации о среде и человеке в дискурсе вербально-семиотическими средствами, которое приводит к образованию репрезентационных структур, опреде-

ляющих отношение людей к действительности [<https://discourseworld.ru/>].

В настоящее время в науке о языке отсутствуют работы, раскрывающие связь названных понятий, природа которых определяется активностью речепроизводителя, стремящегося внести изменения в поведение адресата через модификацию его отношения к фактам и явлениям окружающего мира. Это подчёркивает **актуальность** настоящего исследования и его новизну. Автор ставится **цель** объяснить сходства и различия в трактовке соответствующих терминов и на конкретных примерах проиллюстрировать области их концептуального сближения и расхождения.

История изучения вопроса, материалы и методы

В конце первой четверти XXI в. понятие миромоделирования существенно меньше разработано в лингвистике по сравнению с понятием речевого воздействия. По этой причине оно является фигурой, содержанию которой в статье уделяется большее внимание на фоне того, что традиционно известно о речевом воздействии. Основу предпосылочного знания исследования формируют положения о том, что первоначально специфика миромоделирования рассматривается в теории литературы. Осмысление проблемы начинается в работах классиков филологии (Ю. М. Лотмана,

В. Н. Топорова, Б. А. Успенского), где она обсуждается в ракурсе авторской модели мира, трактуемой как «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах <...> понятие «мир», модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке» [14, с. 161].

В начале нынешнего столетия понятие миромоделирования преодолевает границы литературоведения и получает развитие в функционально-ориентированной лингвистике [16, с. 5]. Под эгидой господствующей когнитивно-дискурсивной парадигмы происходит расширение диапазона лингвистических исследований за счёт включения в их орбиту ментальных и коммуникативных факторов. Это сказывается на содержании понятия миромоделирования и приводит к кристаллизации дискретных направлений его анализа [7]. В большинстве случаев оно раскрывается с учётом того, что информация о вещном мире перерабатывается в два этапа. Первоначально поступают данные от органов чувств. В психологии принято говорить, что человек воспринимает сигнал раздражителя (текст) и формирует образы неязыкового сознания, отображающие предметы и явления действительности [4]. Далее полученная информация подвергается вторичной перекодировке при помощи знаковых систем, что приводит к овнешнению образов, их «облачению» в «одежды» языка. Оба процесса взаимно координируются. По этой причине выделяются две стороны миромоделирования: когнитивный аспект обусловлен ментальными процессами обработки поступающей информации, дискурсивный (языковой) аспект связан с актуализацией знаний и представлений (формами текстуальности) в конкретных речевых практиках. Чтобы подчеркнуть двуединство используется терминосочетание «когнитивно-дискурсивное миромоделирование», обозначающее теорию исследования дискурса в терминах репрезентационных структур [<https://discourseworld.ru/>].

Высказанные идеи служат фундаментом, на котором автор выстраивает свои рассуждения. Признание того, что язык является инструментом социальной власти, а речь — целенаправленным когнитивно-коммуникативным действием, оказывающим воздействие на восприятие мира и его фрагментов [17, с. 17], способствует укреплению представлений о том, что проблематика миромо-

делирования охватывает широкий спектр понятий, таких как речевое воздействие, персуазивность, манипуляция, суггестия.

Поскольку в работе совмещаются научно-теоретический и практический аспекты исследования, релевантными являются методы нескольких уровней познания — философские (анализ, аргументация, доказательство), общенаучные (наблюдение, систематизация, интерпретация) и дисциплинарные (описательный метод, дискурсивный анализ, мультимодальный анализ). Эмпирическим материалом выступают, во-первых, публикации специалистов в области теории речевого воздействия и миромоделирования, во-вторых, — выдержки из литературных произведений, а также мультимодальные сообщения, отобранные из практик общения в Telegram, которые в целом составляют 225 контекстов.

Результаты и обсуждение

Дисциплинарные корни понятий

Речевое воздействие. Разработка понятия начинается в риторике Аристотеля как науке об «общих способах убеждения, основанных на чёткой системе логических доказательств, мастерстве и искусстве находить эти способы» [1, с. 19]. Именно в античной риторике рассматривались каноны построения убеждающей речи. В конце XX в. риторика перерождается в неориторику (новую риторику) и одновременно расширяет свои горизонты, рассматривая «все способы оформления с помощью языка коммуникативно-прагматических ситуаций убеждения, воздействия» [17, с. 28]. В этой связи, как представляется, объёмнее становится трактовка речевого воздействия. Под понятие подводят использование сообщений, построенных средствами нескольких семиотических систем (мимика, позы, жесты) и графического оформления текста. Специалисты нередко отмечают, однако, что узкая трактовка феномена на практике встречается гораздо чаще.

Риторические факты тяготеют к прагматике. Её предметом является утилитарно-информационная функция знаков, т. е. исследование способов использования знаков людьми в различных целях [2, с. 281]. В связи с «прагматическим поворотом» в 70-90-е гг. XX в. острее, чем прежде, встают вопросы о том, как эффективно использовать речевые ресурсы для увеличения объёма передаваемого содержания за единицу плана выражения. Зарубежные и отечественные специалисты всё больше внимания уделяют практическому применению языка в связи с целями взаимодействия в русле лингвистической прагматики,

которая, сочетая в себе достижения риторики, стилистики, социо- и психолингвистики, «изучает употребление языка с учётом возрастных, половых, общественно-статусных и профессиональных особенностей общающихся, а также конкретных условий и целей речевого акта» [9, с. 5]. В центре внимания — отношения между знаками и говорящим. Выбор слова (знака) для обозначения объекта зависит от отношения к нему говорящего, но не от самого объекта. Ср. нейтральное *журналист* и пренебрежительное *журналига*: *Наше время породило подлинных монстров сенсаций, опережающих всё и вся, меняющих мир в любую сторону. И называют их уже не журналистами (ибо слишком мелко для столь великих личностей), а журналигами* (Игорь Вайсман. <https://proza.ru/2015/05/18/1694>).

В лингвопрагматике закрепляется мнение о том, что «речевое сообщение не нейтрально к передаче фактического содержания», а речевое общение содержит формы как прямой, так и не прямой коммуникации [17, с. 19]. Основной научный вопрос, занимающий учёных, — с какой целью человек что-то обозначает и выражает именно таким образом? При изучении функциональных свойств единиц языка их прагматическая ценность устанавливается на основе речевых актов, или высказываний, взятых в процессуальном аспекте [12, 13]. Поскольку речевой акт рассматривается как вид действия, при его анализе используются характеристики, применимые к оценке любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность [<https://www.krugosvet.ru/>]. Понятие объединяет три составляющих — локутивный акт (говорение, построенное по правилам грамматики языка), иллокутивный акт (интенция говорящего, которая должна быть распознана адресатом), перлокутивный акт (произнесённое высказывание, приводящее к реакции со стороны адресата в виде конкретного действия).

В силу того, что дискурс изучается в тесной связи с прагматическими факторами, в представленной системе взглядов складывается своё понимание этой категории, а именно: последовательность речевых актов, дающая представление о событиях, условиях и успешности коммуникации, которая приводит или не приводит к изменению в окружающей действительности. Внимание учёных сосредоточено на употреблении языка, который рассматривается как инструмент деятельности, то есть с точки зрения результативности взаимодействия и регулирования поведения лю-

дей. В этом кругу исследований базисными являются понятия коммуникации, коммуникативной установки, интенции, речевой стратегии, тактики, жанра и др.

Миромоделирование. Истоки проблематики обнаруживаются в когнитивных науках, обращающихся к познавательным процессам (восприятие, мышление, память, внимание) и мыслительным операциям. Особое место среди них занимают литературоведение (когнитивная поэтика) и когнитивная лингвистика. В русле названных дисциплин воздействие рассматривается не в связи с прагматическими установками коммуникации, но «на пересечении когниции и коммуникации» (Е. С. Кубрякова).

Предметом когнитивной поэтики являются методы и приёмы исследования художественных текстов и когнитивные механизмы их воздействия на читателя. В трактовке Реувена Цура её основная задача — «показать связь между структурными характеристиками текста и его воздействием на читателя» [8, с. 10]. Воздействие в этом случае обсуждается с позиций координации ментальных структур с языковыми «в плане выявления и описания идиостиля писателя с учётом его восприятия интерпретирующим сознанием читателя» [18, с. 25].

В когнитивной лингвистике ментальные факторы также имеют первостепенную значимость. В центре внимания находится язык как «когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформировании информации» [5, с. 22]. В орбите интересов учёных оказываются ментальные основы производства и понимания речи. Когнитивные структуры рассматриваются с точки зрения их материального воплощения в знаковых формах. Язык воспринимается не как инструмент человеческой деятельности, но как репрезентационная система и транслятор знаний о мире. Когнитивный поворот меняет научный ракурс — важно установить не то, *для чего* что-то обозначается и выражается именно так, а не иначе, но то, *каким образом* язык организует знания и представления о мире, запускающая когнитивные и коммуникативные процессы.

По этой причине «ментальная репрезентация» оказывается в ряду важнейших когнитивных терминов. Он отличается двойственностью, поскольку относится и к процессу отображения или образного представления мира в сознании человека, и к единице этого представления, замещающей что-то в мыслительных процессах [http://www.infoplex.ru/elibrary_22633501.pdf]. Под таким углом

зрения язык репрезентирует, то есть кодирует в знаковой форме то, что выходит за его пределы и является фактом нелингвистическим. Так, слова активируют представления об объектах, заместителями которых они являются. Согласно мнению канадского психолога Аллана Пайвио, репрезентации могут разграничиваться на картиноподобные, или аналоговые (картинки, рисунки, схемы, образы лиц, предметов) и языкоподобные, или пропозициональные (репрезентации слов, морфем, предложений, текстов) [http://www.infolex.ru/elibrary_22633501.pdf].

В когнитивной перспективе воздействие текста связывается не с формами речевого воздействия, но с «эксплуатацией» когнитивных процессов в определённых целях. Вопрос об активации и целевом использовании ментальных структур в тексте и дискурсе получает развитие в исследованиях миромоделирования. Под влиянием когнитивных установок меняется трактовка дискурса. Он понимается не как инструмент деятельности, но как «поле битвы», на котором разные «видения мира» «сражаются за право утверждения своего мнения» [17, с. 141]. Метафора подчёркивает, что дискурс представляет способ отражения и конструирования «особого мира» с помощью языкового описания, который легитимизирует видение фрагментов действительности, оказывающее воздействие на адресата. Акцентирование ментально-языковых аспектов моделирования представлений о мире в социальных практиках приводит к обоснованию термина «репрезентационные структуры» — «объективируемые в дискурсе ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в коммуникативном контексте, накладывающем ограничения на процессы смыслопорождения» [7]. В рамках этого подхода ключевыми являются понятия языка, мышления, репрезентации, концептуализации, категоризации, картины мира, когнитивной базы, интерпретации.

Содержание понятий: области сближения и расхождения

В том случае если изучение прагматической ценности средств языка учитывает и включает когнитивные аспекты деятельности, понятия речевого воздействия и миромоделирования обнаруживают сближение. Это особенно заметно, если речевое воздействие осмысливается в психоллингвистическом ключе, то есть как диалог сознаний. Результатом взаимодействия ментальных

структур адресанта и адресата является смысл, выступающий «как составляющая сознания коммуникантов» и «как превращённая форма этой составляющей в виде высказывания, коммуникативного блока либо целого текста» [19, с. 6]. Исследование речевого воздействия на основе смысловых структур адресанта и адресата в психолого-герменевтическом ракурсе [20] преимущественно ограничивается пределами речевого акта, но обладает большим эвристическим потенциалом. Основным элементом локуции является текст, актуализирующий интенцию говорящего. Исследование миромоделирования привлекает к анализу дискурс, агрегирующий разножанровые текстовые совокупности, в которых объективируются ментальные репрезентации. При когнитивно-дискурсивном подходе важно установить, какие ментально-языковые структуры обеспечивают воздействие на адресата и в каких целях. В этой плоскости «сливаются» когнитивные и прагматические факторы. С когнитивных позиций миромоделирование обсуждается в терминах образной репрезентации объектов и явлений, в коммуникативно-прагматической перспективе — оно может «запускаться» всеми известными формами речевого воздействия, такими как информирование, аргументирование, персуазивность, суггестия, манипуляция.

Природа **речевой манипуляции** обусловлена фактором скрытого воздействия, то есть в психику адресата внедряются такие цели, желания, намерения, которые в момент коммуникации не совпадают с имеющимися у него [6]. В основе феномена лежат психологические механизмы, обеспечивающие не критичное восприятие поступающего сообщения. Манипулятор стремится скрыть истинные цели воздействия на адресата. При этом убеждение выстраивается ненарациональными доводами, в большей мере апеллирует к эмоциям и чувствам. Для иллюстрации «блистательной неопределённости», созданной речевыми средствами, приведём классический пример. Ср.:

— *Граждане!* — сказал Остап, открывая заседание. — *Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи. Мы должны протянуть руку помощи, и мы её протянем. Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят*

в своих постелях и укрываются тёплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные дети, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев», Глава XIV. «Союз меча и орала»).

В коммуникативно-прагматическом плане реальные намерения адресанта (отъём денег) эмоционально вуалируются призывом о помощи беспризорным детям. Конкретные факты не приводятся, ситуация представлена в отвлечённом виде на основе набора общих фраз, которые апеллируют к традиционным морально-нравственным нормам. Работает психологический механизм эмпатии, подразумевающий, что человек принимает переживания людей серьёзно, альтруистично, и это положительно оценивается социумом. В терминах когнитивно-дискурсивного миромоделирования референциальные средства ко-активируют два ментальных пространства (текстовых мира), задающих векторы смысловой интерпретации описываемого положения дел. Мир, в котором дети находятся без должного внимания (*маленькие дети, беспризорные дети, цветы улицы, цветы на асфальте*), вложен в реальный для персонажа-адресанта мир (*граждане, я, мы, одни из вас, другие, и те и другие, господа присяжные заседатели*). Связь между ними устанавливается за счёт субъектно-предикатных структур (пропозиций), модальности долженствования (*должны им помочь*) и временной референции к будущему (*мы им поможем*). Благодаря активации знаний, полученных в прежнем опыте, в результирующем ментальном пространстве генерируется значительно больше смыслов, чем эксплицируется в поверхностных структурах. Например, фразеологизм *протянуть руку помощи* активирует знания о помощи нуждающимся, содействии, поддержке, что выводит на первый план социальный концепт «милосердие» как важнейшую христианскую добродетель. Несмотря на то, что герои романа так и не понимают, о каких детях идёт речь в обращении Великого комбинатора, коммуникативный эффект превосходит все ожидания, и в кармане героя, как известно, оказывается «пятьсот честно заработанных рублей».

Обращаясь к вопросу концептуального расхождения двух понятий, подчеркнём, что миромоделирование может осуществляться как за счёт ре-

сурсов естественного языка, так и знаков иных семиотических систем, — мимики, поз, индексов, икон, графического оформления текста и пр. Обсудим это на примере цифрового дискурса социальной сети Telegram. В нём регулярно используются эмодзи, которые обозначают жесты и имеют закреплённое значение (например Unicode). В западных культурах и России 🖐 (большой палец вверх) демонстрирует дружественный жест, который передаёт одобрение. Противоположный смысл представлен жестом 🖑 (большой палец вниз).

Миромоделирование не сводится и не подменяется речевым воздействием, но учитывает, что смыслогенерация в дискурсе имеет целенаправленный характер, выходит за пределы естественного языка в широкое семиотическое пространство, включающее разнообразные мультимодальные ресурсы. Они интегрируются в вербально-семиотическое произведение для конструирования миромodelей, служащих целям информирования и воздействия на адресата. В пределах мультимодального текста могут селективно комбинироваться три основных модуса (кода) — вербальный (сообщения на естественном языке), визуальный (изображение: фото, графика, видео, жесты), звуковой (музыка, звуки). Передаваемое содержание воспринимается гештальтно, в виде целостного образа, который кристаллизуется на фоне сосуществующих разнотипных знаковых элементов. С когнитивной точки зрения образ объекта, создаваемый невербальными знаками, получает интерпретацию на основе накопленных и хранящихся в сознании адресата культурных знаний. Так, жест 🖐, который показывается указательным и средним пальцами руки, направленными вверх в форме латинской буквы «V», означает победу. Он ассоциируется с Уинстоном Черчиллем (рис. 1). Британский премьер-министр впервые сделал его 26 декабря 1941 г. как демонстрацию уверенности в своей победе.

Используемые в виртуальном пространстве языковые средства (знаки, символы, жесты, мимика), передают дополнительную информацию

Рис 1. Знак победы
Fig. 1. Victory sign

об объекте речи. Подчеркнём, что в дискурсивных практиках используются не все невербальные знаки. Нерелевантными являются собственно поведенческие реакции, такие как покраснение лица от волнения, потоотделение, побледнение, дрожь, зевота, потягивание и пр., а также те невербальные знаки, которые используются ненамеренно и обусловлены физиологией или привычками людей (потирание рук, почёсывание носа, уха, покусывание губ и пр.). В процессах миромоделирования невербальные знаки должны быть коммуникативными, то есть такими, которые подчинены цели предъявления дополнительной информации об объекте и специально используются отправителем речи, как правило, для «опредмечивания» чувственно-эмоциональной стороны взаимодействия. В цифровом дискурсе Telegram — это иллюстраторы, или описательно-изобразительные (выразительные) знаки, которые сопровождают словесный ряд и вне речевого контекста могут иметь множественные интерпретации. Например, стикеры, которые используются для выражения эмоций (рис. 2).

Представляется, что эскалация изображения в цифровых дискурсивных практиках способствует разработке понятия **мультимодального кода миромоделирования**. С учётом того, что в телеграм-сообщения активно внедряются несловесные знаки, его можно определить как **систему разнотипных семиотических (речевых и неречевых) средств, структурно-содержательное единство которых способствует созданию ментально-языковой (репрезентационной) структуры, реализующей прагматические цели**. В телеграм-дискурсе он объективирует чувственно-эмоциональную картину мира, которая в функциональном плане служит целям воздействия. Это происходит за счёт комбинации вербального, невербального и паравербального (звукового) кодов.

Вербальный код, представленный сообщениями на естественном языке, в большей мере соотносится с упомянутыми выше формами речевого воздействия. Маркеры невербального кода

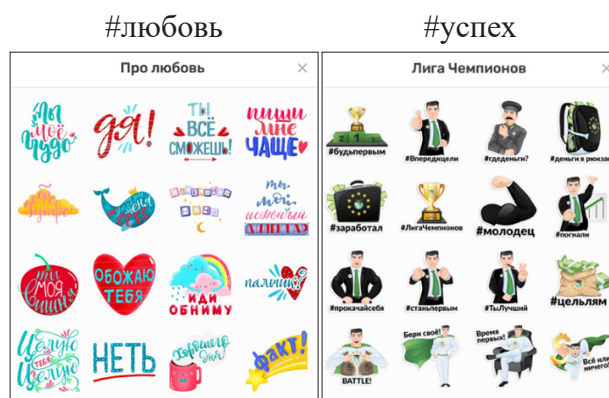

Рис. 2. Эмоции и знаки-иллюстраторы
Fig. 1. Emotions and signs-illustrators

составляют несловесную часть общения, дополняют и одновременно усложняют виртуальную коммуникацию. В лингвистике к ним причисляют такие средства невербальной семиотики, как кинемы, такемы, сенсемы, проксемы, хронемы [11]. В процессе миромоделирования в телеграм-дискурсе актуализируются картиноподобные репрезентации и воздействие на адресата осуществляется посредством конкретно-образного овнешнения чувств, ощущений, эмоций. При этом устанавливаются следующие модели организации воздействия:

1. Кинематическая модель. Понятие *кинемы*, ассоциируемое с движением органов произношения, было введено И. А. Бодуэном де Куртене, который использовал его для обозначения неразложимого произносительного элемента, представления работы губ, мягкого неба, средней части языка и т. д. Однако началом кинесики считают 1952 г., а её основателем — американского антрополога Рэя Бирдвистела [3, с. 64]. В современной лингвистике термин «кинема» обозначает маркеры невербального кода [10, с. 62], которые репрезентируют движения тела и его частей (жесты, позы, мимика, взгляд) (табл. 1). Они несут культурную информацию, дополняют речевые сообщения, способствуют пониманию психологического настроения и внутреннего состояния адресанта.

Таблица 1
Table 1

Примеры кинем в телеграм-дискурсе

№ 1 жесты	№ 2 позы	№ 3 телодвижения	№ 4 мимика	№ 5 взгляд
		ну вы даёте!!! 	БАРБАРА СТРЕЙЗАНД. ууу-ууу-уууууу 	

Обладая высокой степенью самостоятельности, некоторые стикеры-кинемы могут использоваться вне сообщений на естественном языке. Они являются *эмблемами* [3, с. 79], то есть выступают аналогами речевых высказываний, воплощая их в виде наглядных образов. В изолированном виде стикер с жестом «окей» (№ 1, табл. 1), образованный соединением большого и указательного пальцев, даёт возможность говорящему выражать общее согласие и одобрение, а также передавать идею «Я в порядке». В случае если стикер-кинему нельзя интерпретировать вне контекста, это *иллюстратор* [3, с. 79], выделяющий в коммуникации тот или иной фрагмент (№ 2, 3, 4, 5, табл. 1).

2. Гаптическую модель овнешняют *такемы* — знаки, которые относятся к науке о касаниях (гаптике), репрезентируют «тактильное взаимодействие» с телом человека [10, с. 117] и представляют разнообразные виды прикосновений: поцелуй, рукопожатие, щипок, поглаживание, похлопывание, потряхивание, удар, объятие, облизывание и др. [15]. Такемы различаются в зависимости от характера: профессиональ-

ные (осмотр врача), ритуальные (рукопожатие), дружеские (похлопывание по плечу), любовные. В телеграм-коммуникации они визуализируют представления о приемлемых отношениях между коммуникантами: а) степень близости: поцелуй, поглаживание, объятие (№ 1, 3, 5, табл. 2); б) статус отношений: приятельские, дружеские, деловые (№ 2, табл. 2); в) эмоции: гнев (№ 4, табл. 2).

3. Сенсемная модель выделяется в соответствии с пятью модальностями, или анализаторами ощущения (ухо, глаз, нос, кожа, язык) и реконструируется на основе *сенсем* — знаков, репрезентирующих информацию, полученную от пяти органов чувств: слуха (№ 1, табл. 3), зрения (№ 2, табл. 3), обоняния (№ 3, табл. 3), осязания (№ 4, табл. 3), вкуса (№ 5, табл. 3).

4. Проксемная модель восстанавливается на основе регулярного использования *проксем* — знаков, репрезентирующих локализацию, территорию, местоположение субъектов и объектов. Руководствуясь критериями американского антрополога Эдварда Холла [3, с. 467], можно разграничить объём личного пространства, как представлено в табл. 4.

Таблица 2
Table 2

Примеры такем в телеграм-дискурсе

№ 1 поцелуй	№ 2 рукопожатие	№ 3 поглаживание	№ 4 удар	№ 5 объятие
				

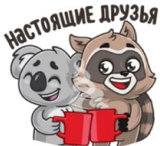

Таблица 3
Table 3

Примеры сенсем в телеграм-дискурсе

№ 1 слух	№ 2 зрение	№ 3 обоняние	№ 4 осязание	№ 5 вкус
				

Таблица 4
Table 4

Примеры проксем в телеграм-дискурсе

интимный 0,15–0,2 м	личный 0,45–0,75 м	социальный 2,2–3,7 м	публичный от 3,7 м
			

5. Темпоральная модель. Ядром являются знаки, формально репрезентирующие относительное и абсолютное время. В зависимости от специфики обозначения временного промежутка [11] в телеграм-дискурсе выделяются несколько видов *хронем*: а) точечные: указывают на конкретный период времени (№ 1, табл. 5); б) пролонгированные: отмечают длительный период времени (№ 2, табл. 5); в) предельные: имеют значение временного рубежа (№ 3, табл. 5); г) обобщающие: не имеют указания на временные рамки, но дают временной ориентир (№ 4, табл. 5). Они преимущественно используются в телеграм-дискурсе с целью регулирования поведения адресата (№ 1, 2, 3, табл. 5) и выражения эмоций, сопровождающих взаимодействие (№ 4, табл. 5).

6. Паравербальная модель предполагает использование паралингвизмов (по Г. Е. Крейдлину) — звуковых средств — дополнительно к вербальному коду (темп речи, высота тона, скорость, громкость, тембр голоса, паузы, ритм, интонация, покашливание и пр.). Применительно к цифровой коммуникации целесообразно рассматривать паралингвизмы в соотношении с невербальными средствами (изображение, фото, рисунок), поскольку они входят в состав семиотически сложных произведений, имеющих синкретичную природу (табл. 6). Звуки, сопровождающие изображение, передаются при помощи графем. С позиций лингвистики они являются междометиями. В стикерах паралингвистические элементы, как правило, сочетаются с кинемами,

то есть включают движения головы, мимику, позу (№ 1 *oops*); взгляд (№ 2 *ay*); движения тела, жесты (№ 3 *йоу*, № 4 *hmm*);

Миромоделирование предполагает структурирование информации о среде и человеке в дискурсе при помощи разнотипных семиотических знаков. Функционирование маркеров невербального кода усиливает эмоциональную составляющую телеграм-коммуникации. Характер воздействия на адресата определяется способностью семиотических средств экстерииоризировать фрагменты картины мира за счёт вербальной и невербальной концептуализации и опредмечивания чувств, ощущений, эмоций. Эмоционально-когнитивные структуры способствуют воплощению идей в образах, доступных внешнему наблюдению.

Заключение

В соотношении понятий речевого воздействия и миромоделирования общей является мысль о том, что для коммуникации обязательно наличие двух субъектов — того, кто производит сообщение на естественном языке (адресанта), и того, который его воспринимает (адресата), при этом первый стремится оказать влияние на второго. Различия определяются языковыми и неязыковыми факторами. Первостепенную важность имеет усложнение речевых практик в целом и в виртуальной среде в частности, развитие научных взглядов на природу языковых процессов, расхождение парадигмальных стимулов, которые обуславливают методы и приёмы лингвистического анализа в конце XX – начале XXI вв.

Таблица 5
Table 5

Примеры хронем в телеграм-дискурсе

№ 1 точечные	№ 2 пролонгированные	№ 3 предельные	№ 4 обобщающие

Таблица 6
Table 6

Примеры паравербальных знаков в телеграм-дискурсе

№ 1 <i>oops</i>	№ 2 <i>ay</i>	№ 3 <i>йоу</i>	№ 4 <i>hmm</i>

Понятие **речевого воздействия** прочно ассоциируется с лингвопрагматикой и коммуникативно-прагматической парадигмой развития языкознания. В её установки входит изучение прагматических свойств языка в ситуациях общения в целях координации сложной человеческой деятельности. Понятие **миромоделирования** имеет когнитивную природу и развивается на фоне достижений когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Они определяются признанием активного взаимодействия структур сознания и структур языка, подходом к языку как репрезентационной системе, актуализирующей богатство знаний о мире в дискурсе.

Речевое воздействие главным образом рассматривается в аспекте референции языковых единиц, являющихся относительно стабильными носителями конвенциональных значений. Понимание того, что механизм референции знаков естественного языка может запускаться наряду с невербальной референцией, которая носит конкретный характер, обуславливает расширение представлений о природе воздействия и способствует кристаллизации понятия миромоделирования.

При миромоделировании воздействие рассматривается сквозь призму того, какие речевые и неречевые знаки «запускают» ментальные репрезентации в сознании адресата в дискурсивных практиках. Речь идёт о ментально-языковом моделировании как процессе, нацеленном на изменение мировоззрения адресата и не ограниченном рамками речевого акта. Невербальные элементы могут анализироваться как элементы, вмонтированные в структуру вербально-семиотического произведения, а также как самостоятельный мультимодальный код, формирующий перспективу восприятия мира. В отличие от знаков естественного языка невербальные знаки отличаются большей вариативностью, выразительностью и изобразительностью. Обозначая свой денотат или целые ситуации, они не описывают положение дел, но указывают на объекты, предлагая «воплощение» реального мира в зримых манифестациях. Это способствует осмыслению явлений в виде образов, которые интериоризируются адресатом, становятся достоянием его сознания и определяют мировидение. Воздействие осуществляется за счёт эмоционально-когнитивных структур как фрагментов чувственно-эмоциональной картины мира.

Список источников

1. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978. 352 с.
2. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография. М. : Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
5. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
6. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта : Наука, 2003. 838 с.
7. Кушнерук С. Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. 2024. V. 28. № 2. С. 439-465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>.
8. Лозинская Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков : аналит. обзор. М. : ИНИОН РАН, 2007. 160 с.
9. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций. Минск, 2009. 183 с.
10. Огнева Е. А. Вербальные маркеры невербального кода в тексте оригинала и перевода // Альманах современной науки и образования. Ч. 2. 2010. № 2 (33). Тамбов: Грамота. С. 116-118.
11. Огнева Е. А., Даниленко И. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. Москва : «Эдитус», 2021. 208 с.
12. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
13. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт // Философия языка. М.: Эдиторная УРСС, 2010. С. 56–74.
14. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 161–166.

15. Трофимова Н. А. Маркеры невербального кода как гендерная составляющая публицистического дискурса (на материале статей «The New York Times»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 19 с.
16. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 279 с.
17. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2024. 176 с.
18. Шарандин А. Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник ТГУ. 2012. № 10 (114). С. 18–26.
19. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: ракурсы адресанта и адресата. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 152 с.
20. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Москва: ООО «ФЛИНТА», 2014. 343 с.

References

1. Aristotel'. Ritorika // Antichnye ritoriki. = Aristotle. Rhetoric // Ancient rhetoric. M., 1978. 352 p. (In Russ.).
2. Komarova ZI. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike. = Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics: textbook. Ekaterinburg: Izd-vo UrFU, 2012. 818 p. (In Russ.).
3. Kreydlin GE. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk. = Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p. (In Russ.).
4. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie. Kollektivnaya monografiya. = Creolized text: Semantic perception. Collective monograph. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2020. 206 p. (In Russ.).
5. Kubryakova ES. V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya. = In Search of the Essence of Language: Cognitive research. M.: Znak, 2012. 208 p. (In Russ.).
6. Kul'tura russkoy rech. = Culture of Russian speech: An encyclopedic dictionary-reference. M.: Flinta: Nauka, 2003. 838 p. (In Russ.).
7. Kushneruk SL. Napravleniya issledovaniya miromodelirovaniya v rossiyskoy lingvistike: paradigmal'nye ramki i ponyatiynyy apparat = Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus. *Russian Journal of Linguistics*. 2024;28(2):439-465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>. (In Russ.).
8. Lozinskaya EV. Literatura kak myshlenie: Kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov = Lozinskaya E. V. Literature as thinking: Cognitive literary studies at the turn of the XX–XXI centuries: an analyt. review. M.: INION RAN, 2007. 160 p. (In Russ.).
9. Norman BYu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov) = Linguistic pragmatics (based on the material of Russian and other Slavic languages): a course of lectures. Minsk, 2009. 183 p. (In Russ.).
10. Ogneva EA. Verbal'nye markery neverbal'nogo koda v tekste originala i perevoda. = Verbal markers of non-verbal code in the original and translated text. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Ch. 2*. 2010; (2(33)):116-118. Tambov: Gramota. P. (In Russ.).
11. Ogneva EA, Danilenko IA. Dual'nost' khudozhestvennogo kontsepta kak tekstovyy informativnyy kod. = The duality of an artistic concept as a textual informative code. Moscow: «Editus», 2021. 208 p. (In Russ.).
12. Ostin DzhL. Slovo kak deystvie. = The word as an action // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. Kh-VII. Teoriya rechevykh aktov*. M.: Progress, 1986. P. 22-129. (In Russ.).
13. Serl DzhR. Chto takoe rechevoy akt. = What is a speech act // *Philosophy of Language*. M.: Editornaya URSS, 2010. P. 56-74. (In Russ.).
14. Toporov VN. Model' mira (mifopoeticheskaya) // *Mify narodov mira* = The model of the world (mythopoeic) // *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 vols*. M.: Sov. entsiklopediya, 1980. V. 2. P. 161-166. (In Russ.).
15. Trofimova NA. Markery neverbal'nogo koda kak gendernaya sostavlyayushchaya publitsisticheskogo diskursa (na materiale statey «The New York Times»). = Markers of the nonverbal code as a gender component of journalistic discourse (based on articles by The New York Times). Abstract of thesis. Belgorod, 2023. 19 p. (In Russ.).

16. Tsiv'yan TV. Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy. = The world model and its linguistic foundations. M. : KomKniga, 2006. 279 p. (In Russ.).
17. Chernyavskaya VE, Molodychenko EN. Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse. = Speech impact in political, advertising and Internet discourse. M. : Lenand, 2024. 176 p. (In Russ.).
18. Sharandin AL. Kognitivnaya poetika v sistemnom opisaniі poeticheskogo yazyka. = Cognitive poetics in the systematic description of poetic language. *Bulletin of TGU*. 2012;(10(114):18-26. (In Russ.).
19. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdeystvie: rakursy adresanta i adresata. = Speech effects: the angles of the addressee and the addressee. Chelyabinsk : OOO «Entsiklopediya», 2008. 152 p. (In Russ.).
20. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya. = Speech effects: ontology and research methodology. Moscow : OOO «FLINTA», 2014. 343 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Л. Кушнерук — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

S. L. Kushneruk — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.